

Г. Л. Соболев, М. В. Ходяков

Противоборство жизни и смерти: некоторые итоги изучения истории блокады Ленинграда

**Соболев
Геннадий Леонтьевич**

д-р ист. наук,
почетн. проф.,
Санкт-Петербургский
государственный
университет
(Санкт-Петербург,
Россия)

**Ходяков
Михаил Викторович**

д-р ист. наук, проф.,
Санкт-Петербургский
государственный
университет
(Санкт-Петербург,
Россия)

В январе 1964 г., впервые после реабилитации «Ленинградского дела», в газете «Правда» появился материал, посвященный 20-летию полного освобождения Ленинграда от блокады. В нем особенно подчеркивалось, что «мир не знал подобных масштабов массового истребления гражданского населения, такой глубины человеческих страданий и лишений, которые выпали на долю ленинградцев»¹. 28 июня того же года в газете «Красная звезда» был опубликован ответ Советского правительства на запрос Швеции о судьбе экипажа шведской подводной лодки, исчезнувшей в пучине Второй мировой войны. В нем Советское правительство официально заявляло, что ожесточенные бои, охватившие район Балтийского моря и Ленинграда, «были сопряжены с огромными человеческими жертвами, причем сложившиеся тогда тяжелые условия не позволили вести точный учет гибнущих людей. В Ленинграде есть кладбище, на котором похоронено, по одним сведениям, 600 тысяч человек, по другим — 700 тысяч. Никто не знает точно, сколько погибло людей в Ленинграде и в районе Ленинграда»².

Хотя на основе подготовленного к маю 1945 г. Ленинградской городской комиссией по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников (ЛГК) «Доклада в Чрезвычайную госу-

дарственную комиссию об итогах исследований злодеяний и учете ущерба, причиненного Ленинграду в годы войны и блокады города»³ Государственная комиссия на своем заседании 15 июня 1945 г. определила, что «в результате блокады умерло от голода 641 803 чел.»⁴, эти сведения, представленные на Нюрнбергском процессе и опубликованные в его материалах⁵, в первой половине 1960-х гг., по всей видимости, уже не считались «наверху» точными и тем более окончательными.

Еще раньше к такому заключению пришли ленинградские историки во время работы над пятым томом «Очерков истории Ленинграда», посвященным периоду Великой Отечественной войны. Но теперь в свете отмеченных выше официальных заявлений они получили возможность привлечь внимание широкой общественности к обсуждению этой запретной ранее проблемы. По предложению редакции академического журнала «Вопросы истории» сотрудники Ленинградского отделения Института истории АН СССР В. М. Ковальчук и Г. Л. Соболев подготовили специальную статью, которая вышла в 1965 г. в последнем номере в сильно сокращенном виде и не в основном разделе «Статьи», а в «Заметках»⁶. Вероятно, редакция журнала не хотела привлекать особое внимание к этой публикации. Тем не менее она, даже в урезанном виде, оказалась замеченной не только в нашей стране, но и за рубежом, где была перепечатана в ряде исторических изданий. В условиях, когда еще не были официально признаны новые данные об общих потерях Советского Союза в Великой Отечественной войне, советские историки рассматривали публикацию «Ленинградского “реквиема”» как один из признаков «оттепели» в исторической науке. Основываясь на анализе опубликованных и архивных материалов, авторы даже в кратком варианте своей статьи показали, что установленную в 1945 г. цифру потерь нельзя считать окончательной и в действительности в заблокированном Ленинграде погибло не менее 800 тыс. мирного населения, что и было затем отмечено в вышедшем в 1967 г. пятом томе «Очерков истории Ленинграда»⁷.

Однако вскоре выяснилось, что попытки ввести в научный оборот новые данные о смертности ленинградцев в годы блокады вызвали решительный протест и противодействие со стороны влиятельного оппонента — наркома торговли РСФСР Д. В. Павлова, который находился в осажденном Ленинграде с сентября 1941 по январь 1942 г. в качестве уполномоченного Государственного комитета обороны (ГКО) по продовольственному снабжению войск Ленинградского фронта и населения города. В третьем издании своей книги «Ленинград в блокаде» Д. В. Павлов обрушился на ленинградских историков с необоснованными обвинениями в отступлении от истины, представляя их дилетантами, оперирующими данными, которым «верить нельзя»⁸. Объясняя, почему верны только его сведения, он писал: «Между тем число умерших от голода взято нами из месячных отчетов отдела здравоохранения. Эти же данные в свое время подтверждались динамикой выдачи продовольственных карточек»⁹. Хотя «отсылки» к «месячным отчетам отдела здравоохранения» в качестве доказательства правоты автора переходили из одной его книги в другую, ни в одной из них не содержалось сведений из этих «месячных отчетов». Истина, за которую Д. В. Павлов так ратовал в борьбе со своими оппонентами, состояла

в том, что в блокадной действительности таких отчетов не было и быть не могло. В период зимы 1941/42 г. главным источником данных о смертности населения блокированного города стало Управление НКВД, в ведении которого были органы регистрации смертности ленинградцев, а также городское бюро по выдаче продовольственных карточек. Именно этими сведениями и пользовался уполномоченный ГКО Д. В. Павлов, впрочем, как и руководство обороной города. Разумеется, эти сведения были засекречены на долгие годы, и поэтому, шельмуя своих оппонентов, Д. В. Павлов выступал как монополист, владеющий абсолютной истиной по праву высокого должностного положения.

Шаткость научной аргументации в своих работах Д. В. Павлов с избытком восполнил аргументацией с позиции силы. Он употребил все свое влияние, чтобы изъять из научного оборота начавшие входить в литературу по истории обороны Ленинграда новые данные о смертности населения в период блокады. И не приходится удивляться, что в условиях административно-командной системы он оказался временным победителем. Тем более что Д. В. Павлов обрел могущественного покровителя в лице секретаря ЦК КПСС по идеологии М. А. Суслова, к которому обратился с письмом-просьбой поддержать его точку зрения в вопросе о жертвах блокады и оказать воздействие на несогласных с ней историков, помогающих тем самым фальсификаторам истории на Западе. Представляя себя в качестве борца за истину, Д. В. Павлов в этом письме с самого начала вводил в заблуждение своего шефа, утверждая в очередной раз, что «в блокадную зиму 1941/42 года, когда началась массовая смертность людей, Военный Совет и он как уполномоченный ГКО регулярно получали отчеты отдела здравоохранения о числе умерших»¹⁰.

Правда состояла не только в том, что «отчетов отдела здравоохранения о числе умерших» в это «смертное» время не было и не могло быть, но еще и в том, что в середине января 1942 г. Д. В. Павлов был отозван из Ленинграда на другую работу и потому реального представления о массовой смертности в самые голодные месяцы блокады, в январе — марте 1942 г., не мог иметь. И тем не менее Д. В. Павлов брал на себя смелость заявить, что он «как участник обороны города, располагавший всеми данными, утверждает, что обнаруженная от лица нашего Правительства на Нюрнбергском процессе цифра о смертности людей во время блокады соответствует факту»¹¹. Главный же его аргумент, почему надо оставить все по-прежнему, состоял в том, что «менять через 30 лет известную всему миру цифру — 642 тысячи на другую — 800 тысяч ничего полезного не даст, а только подорвет стабильность официальных заявлений нашего Правительства. А кому это выгодно? Прошу не допустить публикации другой цифры»¹². И М. А. Суслов «не допустил», дав соответствующие указания подведомственным ему отделам пропаганды и административных органов, которые вскоре рапортовали об изъятии «крамольной цифры» из находившихся в процессе производства многотомных изданий, в том числе и «Истории Второй мировой войны»¹³.

Определенную «хирургическую операцию» претерпел также текст «Воспоминаний и размышлений» Г. К. Жукова, который в прижизненном издании своей книги поддержал право ленинградских историков на их попытки уточнить

число жертв блокады Ленинграда¹⁴. В третьем издании «Воспоминаний и размышлений», вышедшем после смерти Г. К. Жукова, ему было приписано прямо противоположное мнение¹⁵.

Со второй половины 1980-х, особенно в 1990-е гг., когда вместе с партийным диктатом ушла в прошлое и цензура, в изучении истории обороны и блокады Ленинграда произошли качественные изменения, историки стали открыто обсуждать на научных конференциях запретные многие годы проблемы, в том числе и вопрос о смертности ленинградцев в годы блокады¹⁶. Одним из главных направлений изучения блокады Ленинграда стала публикация источников¹⁷. Важную роль в координации усилий исследователей сыграла созданная в 1994 г. Ассоциация историков блокады и битвы за Ленинград, которая провела ряд дискуссий и конференций и выпустила коллективный труд «Ленинград в борьбе: месяц за месяцем»¹⁸. Обсуждая проблемы, историки сходились в том, что их объективное рассмотрение возможно только на основе новых документов, засекреченных и запрятанных в различных архивах¹⁹.

В статье мы хотим проследить, как введение в научный оборот новых источников открывало «неизвестную блокаду», где борьба ленинградцев за выживание стала подвигом; а также попытаться ответить на один из фундаментальных вопросов — могла ли «алиментарная дистрофия», которая приобрела в осажденном Ленинграде фатальный характер «голодной пандемии», не иметь таких катастрофических последствий, если бы власти вовремя прислушались к мнению и рекомендациям медицинских работников; наконец, еще раз вернуться к вопросу о количестве погибших ленинградцев в годы войны и блокады.

Табуирование вопроса о масштабах смертности в блокадном Ленинграде не могло не сказаться на изучении проблем, связанных с повседневной жизнью жителей осажденного города. Тем не менее и до того момента, когда исследователи получили возможность использования секретных ранее материалов, был опубликован целый ряд трудов, проливающих свет на количество жертв среди гражданского населения. Отметим в связи с этим лишь некоторых авторов: Н. И. Барышников, Б. П. Белозеров, В. И. Демидов, А. Р. Дзенискевич, А. В. Карасев, В. М. Ковальчук, В. А. Кутузов, А. П. Крюковских, Ф. И. Сирота, О. Ф. Сувениров, М. И. Фролов, Н. Д. Худякова, Ю. Н. Яблочкин.

Вопрос смертности в блокированном Ленинграде в той или иной степени затрагивался и в работах зарубежных исследователей. Однако большинство из них в силу объективных обстоятельств были лишены доступа к засекреченным материалам советских/российских архивов и возможности ввести в научный оборот новые источники, которые могли бы расширить наши представления о масштабах потерь. Среди работ, вышедших в разное время на Западе и посвященных блокадне Ленинграду, необходимо назвать в первую очередь книгу американского журналиста Гаррисона Солсбери «900 дней. Осада Ленинграда», опубликованную в США в 1969 г.²⁰ Будучи в годы Второй мировой войны корреспондентом агентства «Юнайтед Пресс Интернэшнл» в Советском Союзе, Г. Солсбери вместе с группой американских журналистов посетил в феврале 1944 г. только что освобожденный от блокады Ленинград. В последующие годы, работая в Москве корреспондентом газеты «Нью-Йорк Таймс», он

неоднократно посещал Ленинград, собирая все доступные для него материалы для своей книги о ленинградской блокаде и ее жертвах. В нашей стране книга Г. Солсбери вышла только спустя 25 лет после ее выхода в США²¹. Как видно из текста, автор был знаком с некоторыми работами ленинградских историков о блокаде и солидарен с ними в том, что сведения Ленинградской городской комиссии по расследованию злодеяний фашистов неполны. «Советские ученые собрали убедительные свидетельства о неточности итоговых данных комиссии, — писал он. — Очевидно, вся официальная статистика не отличалась точностью по причине ужасных условий зимой 1941/42 года»²². Вместе с тем Г. Солсбери не соглашался с теми зарубежными авторами, которые считали, что «цифра ленинградских потерь — 2 миллиона. Эти данные завышены. Обоснованной представляется другая цифра: всего в Ленинграде и его окрестностях умерло от голода свыше 1 миллиона человек, а военных и гражданского населения вместе — 1300–1500 тысяч»²³. Хотя американский журналист и не имел возможности работать в советских архивах, его знакомство с опубликованной литературой и источниками, а также встречи с представителями ленинградской интеллигенции позволили создать впечатляющую картину блокады.

Последователям Г. Солсбери, также лишенным доступа к большинству архивных материалов, оставалось обращаться к памяти о блокаде, «блокадной субъективности», вопросам политической культуры, агитации и пропаганды²⁴. В том случае, когда западные исследователи освещали конкретные вопросы истории блокады, они были вынуждены оперировать данными о смертности, введенными в обращение отечественными историками. Так, профессор Йенского университета Йорг Ганценмюллер в своей книге «Осажденный Ленинград» сначала указывает на существование в советской и российской историографии различных данных о гибели населения в годы блокады, а затем подчеркивает тот факт, что к началу осады город был переполнен беженцами из Прибалтики, спасавшимися от наступавшего вермахта. Не приводя никаких дополнительных данных, которые могли бы подтвердить его расчеты, он делает вывод о том, что «...потери гражданского населения Ленинграда предположительно составили от 1 до 1,3 миллиона погибших»²⁵.

Справедливо подчеркивая роль новых документов в изучении многих аспектов истории обороны Ленинграда, следует помнить, что попытки начать сбор материалов о блокаде и заложить тем самым фонд источников были предприняты в 1941–1942 гг.²⁶ Однако о блокадной смертности до поры предпочитали официально не высказываться. Так, в отчете о торговле и общественном питании в г. Ленинграде, подготовленном весной 1943 г., уменьшение количества рабочих (с 921,7 тыс. в июле 1941 г. до 425,6 тыс. в марте 1943 г.) объяснялось массовой эвакуацией из Ленинграда промышленных предприятий, а также призывом рабочих в ряды РККА. Сокращение удельного веса служащих (с 515,9 тыс. в июле 1941 г. до 62 тыс. в марте 1943 г.) — их эвакуацией и «переходом в группу рабочих», а резкое сокращение иждивенцев (с 747,9 тыс. в июле 1941 г. до 38,8 тыс. в марте 1943 г.) — эвакуацией и «массовым поступлением на работу»²⁷.

Первой научной публикацией по истории обороны и блокады Ленинграда стал вышедший только в 1966 г. сборник документов «900 героических дней»,

подготовленный ленинградскими архивистами совместно с сотрудниками Ленинградского отделения Института истории АН СССР²⁸. Подготовка к печати проходила в условиях наступления очередного этапа «идеологического зажима», попытки составителей сборника опубликовать из более чем трех тысяч выявленных ими новых документов²⁹ хотя бы несколько, находящихся еще на специальном хранении, имели своим последствием увольнение директора архива Х. Х. Камалова. Тем не менее в сборнике был впервые опубликован ряд важных документов: отчет Ленинградской городской эвакуационной комиссии об эвакуации населения из Ленинграда за период с 29 июня 1941 г. по 1 апреля 1943 г.; сводные материалы о военной работе в Ленинграде с начала Великой Отечественной войны по октябрь 1943 г.; отчет о работе местной противовоздушной обороны Ленинграда за 1941–1944 гг.; извлечение из отчета Ленинградской плановой комиссии «Ленинград в период войны и блокады» о снабжении города продовольствием, топливом, электроэнергией за период с июля 1941 г. по январь 1943 г.; отчет отдела здравоохранения Ленгорисполкома с 1 июля 1941 г. по январь 1943 г. и др. К сожалению, на этих отчетных материалах, датированных 1943 г., отчетливо видна печать редакционной правки, проведенной в ведомственных кабинетах. В результате в тексте отчетов осталось только упоминание о голоде и смертности.

Наиболее ценными, по нашему мнению, являются опубликованные в сборнике документы из фонда ЛГК. Это в первую очередь сведения о жертвах среди населения от артобстрелов, бомбардировок и голодной блокады, установленных на май 1945 г. по 15 районам Ленинграда, Колпино и Кронштадту³⁰. Сведенные в таблицу данные по районам города наглядно показывают, как сложилась в итоге общая цифра потерь — 632 253 чел., представленная Ленинградской городской комиссией в Чрезвычайную государственную комиссию (ЧГК). Как видно из этой таблицы, районные комиссии располагали сведениями о 440 826 погибших от голода, к которым были добавлены 191 427 персонально установленных по централизованному учету отдела актов гражданского состояния³¹. Хотя составители сборника и не ставили под сомнение такой метод подсчета потерь ленинградцев от голода, они отмечали, что «цифра людских потерь была занижена, так как в тяжелых условиях блокады точный учет захоронений и движения населения организовать было невозможно»³².

Публикация сведений ЛГК о жертвах блокады утвердила одних исследователей в необходимости продолжать поиски новых источников, других — в правильности этих сведений, одобренных ЧГК. Хотя официальная точка зрения исключала возможность открытого обсуждения этой проблемы еще длительное время, историки продолжали заниматься ее изучением. Результаты исследований начали появляться в 1990-х гг.

В 1994 г. военный историк О. Ф. Сувениров, основываясь на отчете начальника Управления предприятиями коммунального обслуживания (УПКО) исполкома Ленгорсовета А. Д. Карпушенко, отложившемся в фонде Плановой комиссии исполкома Ленгорсовета (ЦГА СПб. Ф. 2076. Оп. 4. Д. 63), отмечал, что, по данным всех кладбищ города, с 1 июля 1941 г. по 1 июля 1942 г. ими было захоронено 1 093 695 умерших. Вычтя из этого количества захороненных

военнослужащих, а также гражданских лиц, захороненных до ноября 1941 г. (поскольку они умирали чаще всего не от голода), прибавив 109 925 кремированных в 1942 г. в печах первого кирпичного завода, а также «десятки тысяч» умерших в ходе эвакуации начала 1942 г., он пришел к выводу о том, что «...в результате фашистской осады только в течение первой блокадной зимы погибло от голода не менее одного миллиона жителей Ленинграда»³³. Отмечая важность оценок масштабов смертности, сделанных О. Ф. Сувенировым, одновременно заметим, что в начале апреля 1943 г. составители отчета УПКО «исчерпывающие» данные по захоронениям на городских кладбищах привели с целым рядом оговорок.

Начало новому этапу в публикации источников по истории обороны и блокады Ленинграда было положено выходом в 1995 г. сборника документов ленинградских архивистов «Ленинград в осаде»³⁴, который готовился и издавался уже в совершенно иной политической обстановке в стране, что самым благотворным образом сказалось и на высоком научном уровне издания. Рассекречивание значительной части архивных фондов позволило сотрудникам пяти крупнейших архивов Ленинграда и области сформировать комплекс в своем подавляющем большинстве не публиковавшихся ранее документов, отражавших основные проблемы истории обороны и блокады города.

Преимущественно новые документы о болезнях, смертности и эвакуации сгруппированы составителями в разделе «Все шире братские могилы...». В докладной записке заведующего райздравотделом Свердловского района Л. Корсакова от 4 декабря 1941 г. с грифом «Секретно» сообщалось, что «в последнее время в амбулаторных учреждениях, а также в стационарах района встречаются больные с явлениями общей слабости, наличием отеков лица и конечностей и даже истощения разной степени, по-видимому, на почве недостаточного питания и усиленной работы»³⁵. Проявляя инициативу, руководство райздравотдела решило ввести регистрацию нового заболевания еще с 20 ноября 1941 г., а также провело закрытое совещание главных врачей больниц и поликлиник совместно с профессурой и научными работниками района для выработки методики регистрации, диагностики, терминологии и терапии нового заболевания. Образованная на этом совещании комиссия к началу декабря 1941 г. «выработала проект терминологии и диагностики, а также симптоматологии, дающей возможность лечащим врачам более или менее конкретно ориентироваться в этом вопросе». Информировав об этом руководство горздравотдела, заведующий райздравотделом просил «указаний в отношении единообразия работы во всем городе»³⁶.

7 декабря 1941 г. городской отдел здравоохранения одобрил предложения профессоров М. Г. Данилевич, М. В. Хвиливицкой и М. Д. Тушинского «О терминологии и лечении алиментарных расстройств». Видные ученые-медики предлагали ввести для «клинического симптомокомплекса, наблюдаемого в настоящее время в связи с нарушением питания», термин «дистрофия алиментарная». Вместе с тем в случае смертельного исхода рекомендовалось «...отмечать в диагнозе непосредственную причину смерти: дистрофия миокарда, острая сердечно-сосудистая недостаточность, шоковое состояние».

Следовало указывать и на осложнения: пневмонии, бронхиты, гнойные заболевания, энтероколиты и т. п.³⁷

Хотя термин «дистрофия алиментарная» вскоре был принят всей лечебной сетью и научными учреждениями города, предложения видных специалистов по лечению нового заболевания далеко не сразу были оценены партийными и советскими руководителями. Медицинским работникам очень скоро стало очевидно, что истощение на почве недостаточного питания становится болезнью, решающим средством борьбы с которой является организация рационального питания. Однако в условиях наступавшей голодной зимы 1941/42 г. и почти полного отсутствия продовольственных запасов решить эту почти нерешаемую проблему было практически невозможно. Алиментарная дистрофия станет основной болезнью всей блокады.

В связи с этим большой научно-практический интерес представляет справка «Об основных причинах смертности в Ленинграде», подготовленная горздравотделом для заместителя председателя СНК СССР А. Н. Косыгина и председателя исполкома Ленгорсовета П. С. Попкова, от 31 марта 1942 г.³⁸ Этот важный документ, опубликованный в извлечении, содержит ценные наблюдения и выводы, к которым пришли ленинградские медики за время лечения и изучения алиментарной дистрофии. Констатируя наступление резкого изменения структуры смертности в Ленинграде в декабре 1941 г., когда число умерших от истощения повысилось до 70% из общего числа умерших в этом месяце, авторы справки отмечали, что «данные, характеризующие смертность в первом квартале текущего года, показывают, что выше трех четвертей из числа умерших имеют основной, если не единственной причиной смерти — истощение (дистрофия)»³⁹. Признавая, что из-за исключительно тяжелых условий работы врачей по медицинскому осмотру и обследованию больных снизилось качество врачебной диагностики, а также вследствие прекращения статистической разработки статистическим управлением города врачебных свидетельств о смертности, авторы справки допускали, что «может возникнуть сомнение — не кроется ли за некоторым числом умерших с диагнозом “истощение” в действительности другая причина смерти (главным образом инфекционные, а также и другие болезни)». Высказанные в справке аргументы не давали повода к подобным сомнениям, поскольку «клинические, патолого-анатомические и статистические наблюдения приводят к заключению, что самые различные заболевания желудочно-кишечного тракта, легких, а также инфекций наслаиваются на алиментарно-дистрофированный и авитаминозный организм... Исходя из этого, следует признать, что главной, если не единственной причиной в общей смертности населения Ленинграда в первом квартале текущего года, несмотря на улучшение питания населения, в действительности является пока еще дистрофия»⁴⁰.

В опубликованной в сборнике объяснительной записке городского статистического управления в ЦСУ РСФСР к отчету о смертности и рождаемости в Ленинграде за 1943 г. специалисты попытались в 1944 г. определить число погибших ленинградцев от дистрофии и нарушения питания вообще. По их данным, представленным в виде таблицы, в 1941 г. от дистрофии и нарушения

питания умерли 19 984 чел., в 1942 г. — 256 386 чел., в 1943 г. — 3 239 чел. При этом составители сборника оговаривались, что «показатели смертности от нарушения питания не ограничиваются приведенной таблицей, они значительно возрастут, если учесть также смертность от других заболеваний, осложненных дистрофией и авитаминозом»⁴¹. Действительно, по данным отдела демографии ЦСУ Госплана СССР, только в декабре 1941 г. смертность в Ленинграде составила 52 881 чел., но причины смерти официально были зарегистрированы лишь в 11 532 случаях⁴².

В разделе «Все шире братские могилы...» наконец полностью опубликованы уникальные материалы треста «Похоронное дело», которые вошли составной частью в отчет городского управления предприятиями коммунального обслуживания за первый год войны⁴³. Поэтому вряд ли можно рассматривать эти материалы только как отчет треста и видеть в нем в первую очередь страшную, трагическую, но последовательно записанную хронику смертности так, как ее видели работники кладбищ блокированного Ленинграда⁴⁴. По нашему мнению, это прежде всего официальный документ, в котором наряду с огромным фактическим материалом, требующим критического осмысления, изложена и позиция руководства, занимавшегося этим гигантски трудным делом на протяжении всей блокады. Ведь трест «Похоронное дело» входил в состав УПКО исполкома Ленгорсовета, начальник которого А. Д. Карпушенко подписал 5 апреля 1943 г. этот отчет. Целый ряд содержащихся в нем важных суждений, которые отдельные архивисты склонны не замечать и потому не комментировать по существу, отражал в то время мнение советских работников, занимавшихся организацией захоронений на городских кладбищах и специально отведенных участках. Приведем здесь лишь некоторые из них: «В городе нет организации, которая могла бы назвать точную цифру умерших в городе Ленинграде людей за период с 1 декабря 1941 г. по 1 июня 1942 г.»; «В органы ЗАГСа за оформлением смертей ходила незначительная часть населения, предприятий и учреждений, так как они оказались неподготовленными к регистрации такого большого количества смертей»; «Возможен был учет только на кладбищах, но и здесь работники были заняты в первую очередь тем, чтобы похоронить в большом количестве поступающих на кладбища покойников, а поэтому кладбища тоже, к великому сожалению, не имеют точного учета захороненных»⁴⁵.

Говоря о масштабах работы по захоронению в первый год войны, руководство треста «Похоронное дело» сообщало, что за этот период под захоронение, кроме индивидуального, «было занято на кладбищах города и вновь отведенных участках 662 братских могилы протяжением 20 233 погонных метра... По данным кладбищ города, далеко не точным, возможно завышенным, ими за период с 1 июля 1941 г. по 1 июля 1942 г. захоронено 1 093 695 покойников»⁴⁶. В примечании к этим сведениям составители дают такой комментарий: «В архивном фонде Управления предприятиями коммунального обслуживания Ленгорисполкома (ЦГА СПб. Ф. 3200) имеются годовые отчеты о работе треста «Похоронное дело», но первые листы, где должны быть цифровые показатели за 1942–1943 гг., изъяты с пометкой «в 1-й отдел». Документы 1-го отдела за

1942–1943 гг. с материалами за годы войны в ЦГА СПб не поступали, поэтому установить исходные цифры отчетности треста не представляется возможным»⁴⁷.

Перепечатав в сборнике сведения ЛГК о числе погибшего населения в Ленинграде⁴⁸, составители, по нашему мнению, не смогли до конца объяснить исходные цифры этого документа, опубликованного впервые в сборнике «900 героических дней». Поправив своих предшественников в датировке этих сведений, составители сборника «Ленинград в осаде» также не дали ответа на вопрос, почему итоговая цифра в этих сведениях — 632 253 погибших от голода — состоит из 440 826 погибших от голода, представленных районными комиссиями, и 191 427 персонально установленных по централизованному учету отдела актов гражданского состояния. Наконец, что делала образованная еще в апреле 1943 г. городская комиссия, если только в январе 1945 г. исполком Ленгорсовета принял решение «просить начальника УНКВД ЛО дать указание районным ЗАГСам о предоставлении списков на граждан, погибших в результате вражеской блокады города»⁴⁹, а к маю 1945 г. списки были подготовлены во всех районах Ленинграда⁵⁰.

Не имея возможности остановиться и на других «смертных» документах, вошедших в сборник «Ленинград в осаде», особо отметим здесь справку начальника Управления НКВД по Ленинграду и области П. Н. Кубаткина от 2 апреля 1942 г. для областного и городского комитетов ВКП(б) о смертности населения города в январе — марте 1942 г.⁵¹ По всей видимости, это были первые сведения за самые тяжелые месяцы блокады, полученные на основе данных ЗАГС, а не расчетов по продовольственным карточкам. И хотя данные были неполными, они впечатляли масштабами смерти: в январе — 96 751 чел., в феврале — 96 015 чел., в марте — 81 507 чел.⁵² В городской отдел ЗАГС еще долго будут поступать дополнительные сведения об актах регистрации смертности, и число зарегистрированных смертей в январе и феврале 1942 г. в итоге превысит 100 тыс. чел., а в марте приблизится к 100 тыс.⁵³

Существенным вкладом в изучение проблемы жизни и смерти в блокированном Ленинграде стало появление целого ряда документальных исследований Н. А. Ломагина. В 2000 г. вышла его уникальная книга «В тисках голода. Блокада Ленинграда в документах германских спецслужб и НКВД»⁵⁴. В ней опубликовано около 40 наиболее важных «спецсообщений» о настроениях и жертвах ленинградцев в период осени и зимы 1941–1942 гг., содержащихся в специальном томе материалов Ленинградского управления НКВД «Сообщения о продовольственном положении г. Ленинграда, смертности населения и преступлениях на почве продовольственных затруднений. 13 сентября 1941 г. — 6 мая 1943 г.»⁵⁵. Анализируя «спецсообщения», адресованные, как правило, Л. П. Берии, А. А. Жданову, А. А. Кузнецову, командующим войсками Ленинградского фронта, Н. А. Ломагин пришел к выводу, что приводимые в них данные «обозначают минимальное количество жертв в период блокады Ленинграда»⁵⁶. В «спецсообщении» Управления НКВД СССР по Ленинградской области и городу Ленинграду от 6 января 1943 г., направленном наркому внутренних дел СССР генеральному комиссару госбезопасности Л. П. Берии,

отмечалось, что «всего за 1942 год в Ленинграде зарегистрировано умерших — 463 749 чел.»⁵⁷. Действительно, приводимая в этом документе цифра жертв населения Ленинграда за 1942 г. — наименьшая из всех имеющихся в литературе. В 1944 г. сотрудники горстатуправления определили число умерших в 1942 г. ленинградцев в 513 529 чел.⁵⁸

Состоявшаяся в апреле 2001 г. в Санкт-Петербурге международная научная конференция «Жизнь и смерть в осажденном Ленинграде» впервые объединила усилия историков, архивистов, демографов, медиков, биологов, физиологов, политологов и других специалистов при обсуждении ряда важных историко-медицинских аспектов жизни блокадного Ленинграда⁵⁹. Успеху конференции в немалой степени способствовало оперативное издание ее материалов. Выступая с докладом «Блокада Ленинграда в исторической ретроспективе», один из организаторов этой конференции, английский исследователь Дж. Барбер, призывал изучать «трагический опыт Ленинграда». «Отличие голода в Ленинграде, — говорил он, — заключается в его масштабах. В Нидерландах было зарегистрировано менее 20 000 смертных случаев среди населения, насчитывающего три миллиона, в Ленинграде, как нам сейчас представляется, — 800 000 жертв из населения в два с половиной миллиона»⁶⁰.

Доклад «Голод и смерть в заблокированном городе», с которым выступила Н. Ю. Черепенина — один из лучших архивистов по блокадным документам, носил, по нашему мнению, противоречивый характер. Отмечая, что основное внимание в анализе демографической ситуации блокадного времени до сих пор уделяется «безвозвратным потерям», численность которых варьируется от 649 тыс. до 2 млн чел., Н. Ю. Черепенина сожалела, что «споры об общем числе погибших оттеснили на второй план такие важные проблемы, как динамика смертности, половозрастной состав умерших, демографические последствия блокады»⁶¹.

Однако с таким «разделением» блокадной демографии вряд ли можно полностью согласиться: ведь от научных поисков общей цифры «безвозвратных потерь» в немалой степени зависит и объективное решение других вопросов блокадной демографии. Но главный вопрос, по которому Н. Ю. Черепенина расходится с другими исследователями блокады, — это вопрос о полноте данных ЗАГС, о том, насколько точно они фиксировали смертность в период блокады. Она признает, что «большинство авторов полагает, что загсы регистрировали только часть смертей, даже меньшую из них». Отмечая, что ЗАГС относились к тем немногим организациям, которые не прекращали своей работы в течение всей блокады, она подчеркивает: «...в архивных материалах тех лет не обнаружено документально зафиксированных сомнений органов власти в истинности цифр загса»⁶².

Не углубляясь здесь в полемику с уважаемым автором, заметим только, что приводимые ею «аргументы» в пользу «истинности цифр» ЗАГС — типичный пример архивного фетишизма, которым грешат даже опытные архивисты. Кстати, Управление НКВД, которое получало данные о смертности из ЗАГС, в своих «спецсообщениях» предпочитало не вносить изменения в первоначальные сведения в самые «смертные» месяцы — январь, февраль, март

1942 г. — на основе получения ЗАГС так называемых контрольных сводок. Этим органам власти было выгодно не менять и без того огромные цифры смертности, содержащиеся в первоначальных сведениях, направляемых «наверх», и не потому ли «зафиксированных сомнений» органов власти в «истинности цифр» ЗАГС архивистами пока не обнаружено.

А сомнений такого рода немало. Так, 4 декабря 1941 г. начальник УПКО исполкома Ленгорсовета А. Д. Карпушенко направил заместителю председателя Ленгорисполкома В. М. Решкину докладную записку, в которой отмечал, что ночью 28 ноября 1941 г. «...на кладбище имени жертв революции 1905 года, без каких-либо предупреждений... были завезены 26 трупов и, несмотря на протесты сторожевой кладбищенской охраны, сброшены прямо на землю. Установленного образца ЗАГСовские свидетельства, за исключением именного списка умерших, отсутствовали и до сего времени не представлены»⁶³.

С деятельностью органов ЗАГС связана и частичная фиксация ими смертей военнослужащих. В Ленинграде захоронение трупов умерших бойцов и командиров производилось на территории нескольких кладбищ. На неупорядоченность проблемы, связанной с учетом этой категории погибших, обратил внимание начальник ЦСУ Госплана СССР В. Н. Старовский. В записке от 15 апреля 1942 г., направленной заместителю начальника Главного управления формирования и укомплектования Наркомата обороны СССР (НКО) генерал-майору Г. Я. Белякову и начальнику Главного управления милиции НКВД СССР (ГУМ НКВД) А. Г. Галкину, сообщалось о том, что военнослужащие, погибшие в боях и умершие от ран, «учитываются в органах Наркомата Обороны, смерть их в отделах ЗАГС не регистрируется. Военнослужащие, умершие от болезней, также учитываются в органах Наркомата Обороны, и, наряду с этим, смерть их в ряде случаев... регистрируется в отделах ЗАГС. Таким образом, частично имеет место двойной учет потерь»⁶⁴. ЦСУ предлагало установить «на период военного времени» регистрацию смертей всех военнослужащих «только в органах Наркомата Обороны» и просило дать соответствующие разъяснения регистрационным органам НКО и отделам ЗАГС ГУМ НКВД⁶⁵.

Прошло еще три месяца, прежде чем начальник отдела демографии ЦСУ И. Ю. Писарев направил в местные статистические органы циркулярное письмо, в котором разъяснял, что «смерти военнослужащих, погибших на фронтах и умерших от ран и болезней в госпиталях (только из числа эвакуированных с фронта), регистрируются органами НКО СССР и регистрации в органах ЗАГС НКВД СССР не подлежат»⁶⁶. Таким образом, не вызывает сомнений тот факт, что подобного рода регистрации до середины 1942 г. имели место. Ответить на вопрос, какое количество смертей военнослужащих зафиксировали органы ЗАГС в Ленинграде, сегодня не представляется возможным.

Отвечая скептикам, сомневающимся в полноте данных ЗАГС, Н. Ю. Черепенина в 2005 г. опубликовала два новых документа: 1) «Справка Ленинградского городского отдела актов гражданского состояния о количестве смертей в Ленинграде в 1942 г.» от 4 февраля 1943 г.; 2) «Общие итоги естественного движения населения Ленинграда за 1942 г.», датированные маем 1943 г.⁶⁷

Первый документ, обнаруженный публикатором в ЦГА СПб, содержит сведения по всем месяцам 1942 г. о количестве населения Ленинграда, общем числе умерших, в том числе и за весь 1942 г., — 518 416 чел., а также о числе умерших на 1000 населения. Второй документ (из ГА РФ) содержит сведения об умерших по 15 районам Ленинграда — 513 529 чел., а вместе с Колпино и Кронштадтом — 520 550 чел. Опытный публикатор должен был заметить, что в этом документе перепутаны графы и общие итоги смертности находятся в графе «Всего умерших детей до 1 года», что, конечно, снижает значение этого источника. К сожалению, Н. Ю. Черепенина в своих комментариях только заметила, что эти документы «позволяют проследить специфику учета смертности населения различными ведомствами — городским статистическим управлением и Отделом актов гражданского состояния»⁶⁸.

Дополнить данные о «естественном движении населения в Ленинграде, Колпино и Кронштадте» за 1941–1942 гг. могут сведения, отложившиеся в материалах отдела демографии ЦСУ⁶⁹. В месячной форме № 2, официально утвержденной Управлением народнохозяйственного учета Госплана СССР еще в ноябре 1940 г. и представляющей собой небольшие листки формата отрывного календаря, отражены сведения о масштабах смертности в блокированном городе. Очевидно, что данные в ЦСУ направлялись городским статистическим управлением. Об этом свидетельствует полное совпадение большинства показателей за вторую половину 1942 г. Однако масштабы смертности в городе с января по май 1942 г., зафиксированные в Ленинграде и Москве, разнятся. Вероятно, в ЦСУ предпочли «скорректировать» в сторону уменьшения сведения о небывалых демографических потерях (см. таблицу).

Справедливости ради отметим, что сведения по «коэффициентам рождаемости и смертности» за 1942 г. руководителями ЦСУ характеризовались как «неточные», подходящие «только для грубой ориентировки» вследствие «отсутствия полных почтовых отчетов о причинах смерти...»⁷⁰

Тем не менее данные месячных отчетных форм отдела демографии ЦСУ за 1942 г. представляют значительный интерес, поскольку в них отражены причины смертности ленинградцев. Зафиксированные показатели могут свидетельствовать о стремительном росте летальных исходов вследствие алиментарной дистрофии. Так, из умерших в марте 1942 г. причины смертности указаны для 14 657 чел. Среди них: «острый гастро-энтеро-колит» — 6257 чел., «прочие виды воспаления легких» — 3328 чел., «туберкулез органов дыхания» — 1554 чел. и др. Причины смерти 85 836 чел. в отчетных материалах фиксируются как «Прочие, не точно обозначенные и не вошедшие в классификацию...»⁷¹

Возвращаясь к международной научной конференции «Жизнь и смерть в осажденном Ленинграде», особо выделим доклад доктора биологических наук, ведущего научного сотрудника НИИ общей патологии и патофизиологии Российской академии медицинских наук (Москва) С. В. Магаевой. Пережившая в детстве блокаду и истощение и посвятившая теме блокады многие работы, она избрала предметом выступления вопрос о физиологических и психосоматических предпосылках выживания блокадников. Одним из важных выводов, к которому исследовательница пришла в процессе длительного изучения

Смертность в Ленинграде в 1942 г.

Месяц	Данные городского статуправления (чел.)	Данные ЦСУ Госплана СССР (чел.)
Январь	101 583	98 694
Февраль	107 477	100 493
Март	98 966	92 519
Апрель	79 769	75 641
Май	53 183	50 235
Июнь	33 766	33 766
Июль	17 725	17 725
Август	8965	8695
Сентябрь	4669	4669
Октябрь	3691	3691
Ноябрь	3213	3213
Декабрь	3496	3496

Составлено по: Ленинград в осаде. С. 316–317; РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 793. Л. 62–66 об., 184, 193.

этой проблемы, был следующий: «...состояние организма, пережившего тяжелую алиментарную дистрофию, характеризовалось минимизацией жизненно важных функций и энергетических трат, что могло быть своеобразным механизмом экономии ресурсов. При хронической форме развития болезни жизнь угасала медленно»⁷². В одной из статей, отмечая, что «почти полное голодание ленинградских блокадников» погубило более 1 млн чел., С. В. Магаева одновременно подчеркивала, что «около 1 млн человек, испытавших лютей голод от 2 до 5 месяцев (в зависимости от времени эвакуации), смогли выжить вопреки представлениям биологии и медицины о пределах жизнеспособности организма»⁷³.

Активно участвующие в последние годы в обсуждении проблемы «Жизнь и смерть в осажденном Ленинграде» медики, выступая на конференциях вместе с историками и другими специалистами, также вводили в научный оборот новые источники. На состоявшейся научно-практической конференции в Санкт-Петербурге, посвященной 65-летию начала блокады, кандидат медицинских наук В. Ю. Назаров привлек внимание ее участников к документам Бюро судебно-медицинской экспертизы за время войны и блокады. Изучая эти документы, он установил, что зимой 1941/42 г. в большинстве случаев родственники покойных свидетельства о смерти, как и сами мертвые тела, из прозектур не забирали. «Скоропостижно» скончавшиеся на дому в прозектуры,

как правило, не направлялись: родственники должны были самостоятельно получить свидетельство о смерти и захоронить покойного. Это стало одной из причин накопления трупов не только в прозектурах, но и в квартирах ленинградцев. С декабря 1941 г. из-за отсутствия воды, отопления и освещения судебно-медицинские вскрытия в Ленинграде вообще были прекращены⁷⁴.

Один из самых авторитетных специалистов по истории обороны и блокады Ленинграда профессор М. И. Фролов, выступая на международной конференции «Жизнь и смерть в осажденном Ленинграде» по вопросу о сложности определения численности погибших ленинградцев в период блокады, привлек внимание к такому специфическому источнику, как домовые книги⁷⁵. Осенью 1941 г., уже в условиях осажденного Ленинграда, домовые книги были изъяты органами НКВД из домовых контор, которым они подчинялись, и были возвращены им только в январе 1942 г. Как сообщал начальник ленинградской милиции Е. С. Грушко 9 февраля 1942 г. П. С. Попкову, на 30 января 1942 г. из 17 931 изъятой книги в домохозяйства было возвращено 17 079 книг⁷⁶.

Паспортистка 133-го домохозяйства М. М. Братановская, в ведении которой находились 30 домов по ул. Ткачей и 15 домов по ул. Ломоносова в Володарском районе, в конце декабря 1941 г. отмечала: «С сентября с. г. домовые книги отобраны в архив при 10 отд. ЛГМ, поэтому работать стало трудно: для того, чтобы отметить человека, нужно брать книгу из архива и работать по ним на ходу...»⁷⁷

В результате предварительного анализа домовых книг Василеостровского района, в домохозяйства которого в январе 1942 г. почти все домовые книги были возвращены, а также изучения других документов М. И. Фролов высказал на конференции предположение, что «блокада Ленинграда унесла жизни, с учетом умерших во время эвакуации из осажденного города, не менее 800 тыс. человек»⁷⁸.

В вышедшей в 2003 г. книге «Салют и реквием»⁷⁹ М. И. Фролов подробно остановился на проблеме смертности в блокадном Ленинграде, показав, что даже значительное расширение круга источников не позволяет исследователям прийти к определенному решению этой проблемы. Характерно, что здесь он приводит в качестве примера Н. Ю. Черепенину, которая на конференции «Жизнь и смерть в осажденном Ленинграде» назвала в своем докладе «лишь официальные данные о смертности в Ленинграде, Колпино и Кронштадте», а в опубликованной статье написала, что «всего за 11 месяцев блокады погибли приблизительно 653 тыс. ленинградцев»⁸⁰.

Помочь решению этой «кровоточивой» проблемы, подчеркивает М. И. Фролов, может анализ таких первичных документов, как домовые книги, а также социологические опросы блокадников. Не идеализируя этот источник, указывая не только на его достоинства, но и на недостатки, он приходит к выводу о том, что «домовые книги с высокой степенью точности зафиксировали смертность ленинградцев на территории, подведомственной жилконторе»⁸¹.

Другой вывод, к которому пришел ученый, состоит в том, что «за время блокады умерло не менее 30% всего населения»⁸². В этом его убедил анализ содержания домовых книг Василеостровского района, среднестатистического

по числу жителей (около 100 тыс. населения), наименее пострадавшего от артобстрелов и бомбежек, что сыграло важную роль в сохранности домовых книг (в январе 1942 г. домохозяйствам этого района не было возвращено всего 14 домовых книг). «Чтобы максимально исключить субъективный фактор, — сообщает М. И. Фролов, — в районе была выбрана одна типичная улица, не новостройка, и проведено исследование судеб всех без исключения проживавших на ней жителей с сентября 1941 года по январь 1944 года... Из 1293 жителей этой улицы в возрасте от 16 до 94 лет с сентября 1941 года по январь 1944 года умерло 522 человека, что составляет 40,4 % общего числа жителей данного возраста»⁸³.

Обращая внимание на тот факт, что в вышедших в последние годы работах о блокаде Ленинграда все чаще число погибших от голода определяется в пределах 700–800 тыс. чел., М. И. Фролов полагает, что «эти изыскания позволяют избавиться от случайных непроверенных данных, носящих нередко тенденциозный характер и являющихся актом неуважения к памяти погибших участников героической обороны Ленинграда»⁸⁴.

Известный историк А. Р. Дзенискевич в своей книге «Блокада и политика», не соглашаясь с приводимыми его коллегами сведениями о масштабах смертности в осажденном Ленинграде, утверждал, что в архивах «...никаких более точных данных не существует»⁸⁵. Теперь, спустя более 20 лет после этого заявления, мы знаем, сколько новых документов по данной проблеме было выявлено в различных архивах страны уже в XXI в.

Совсем недавно, в 2019 г., московские архивисты А. К. Сорокин и А. С. Кочетова опубликовали несколько важных документов из фонда А. А. Жданова, хранящегося в Российском государственном архиве социально-политической истории (РГАСПИ). Это справки о количестве зарегистрированных актов о рождении и смерти по Ленинграду и Ленинградской области по квартальным разработкам городского и областного статистических управлений и по регистрации Бюро актов гражданского состояния за 1941–1944 гг., подписанные 7 апреля 1944 г. начальником отдела актов гражданского состояния УНКВД ЛО подполковником Б. И. Абабиным⁸⁶. В них содержится ценная информация о смертности в Ленинграде по кварталам и годам, которая была предназначена для А. А. Жданова, а теперь станет доступной для исследователей блокадного времени⁸⁷.

Уже первичный анализ материалов позволил А. К. Сорокину сделать предварительное заключение: «Таким образом, всего за время блокады в городе, по данным бюро актов гражданского состояния, зарегистрированы 645 857 смертей»⁸⁸. Упомянув «Сводку о количестве умерших по 15-ти районам за 1943 год и 1-й квартал 1944 года по причине смерти», А. К. Сорокин замечает: «Разработка по причинам смерти в 1941–42 годах не производилась»⁸⁹. Поэтому, заключает он, «установить количество жителей Ленинграда и области, умерших от голода, нам, вероятно, не удастся»⁹⁰. Однако А. К. Сорокин не был бы столь категоричен в своем предположении, если бы он обратился к документам, ранее опубликованным его петербургскими коллегами. В итоговой части справки горздравотдела заместителю председателя СНК СССР А. Н. Косыгину и председателю горисполкома П. С. Попкову об основных причинах смертности

в Ленинграде от 31 марта 1942 г. подчеркивалось: «Рассмотрение результатов патолого-анатомических вскрытий умерших с диагнозом “дистрофия” показало, что во всех этих вскрытиях не выявлено ни одной самостоятельной причины смерти вне связи с дистрофией (истощением)...»⁹¹. В этом заключении ленинградских медиков, как нам представляется, находится ответ на вопрос, почему «разработка по причинам смерти в 1941–1942 годах не производилась».

В том же, 2019 г. научный сотрудник Санкт-Петербургского Института истории РАН К. А. Болдовский опубликовал статью «Ленинград в декабре 1941 года», написанную на основе источников, не введенных еще в полной мере в научный оборот⁹². В ней автор анализирует документальные материалы, подготовленные ленинградскими руководителями в середине декабря 1941 г. для доклада о положении Ленинграда, который А. А. Жданов должен был сделать для высшего руководства страны во время своей поездки в Москву 17 декабря 1941 г. Из указанных материалов, хранящихся в РГАСПИ в основном в фонде ЦК КПСС, нас интересует в первую очередь подписанная 15 декабря 1941 г. П. С. Попковым «Справка о количестве населения г. Ленинграда на 5 декабря 1941 г.», в которой констатировалась убыль населения города за месяц (с 5 ноября по 5 декабря 1941 г.) на 94 700 чел.⁹³ Раскладывая эту «убыль» по полочкам, К. А. Болдовский пришел к выводу, что «приблизительная оценка числа умерших в ноябре 1941 г. — около 40 000 чел.»⁹⁴. Не имея здесь возможности дискутировать с автором статьи относительно «приблизительной оценки» числа умерших в ноябре 1941 г., отметим только уязвимость его расчетов, вытекающую из того факта, что численность населения Ленинграда в декабре 1941 г. определена в справке П. С. Попкова по количеству выданных продовольственных карточек в этом месяце — другими сведениями руководство города тогда еще не располагало. Пройдет еще немало времени, прежде чем А. А. Жданов и другие руководители начнут получать сведения о смертности ленинградцев по годовым разработкам городского статистического управления и по регистрации бюро ЗАГС, в том числе и те, что опубликовали московские архивисты из фонда А. А. Жданова.

Отдавая должное как расчетам, проведенным К. А. Болдовским и раскрывающим причины сокращения численности населения города в конце 1941 г., так и его отсылкам к различного рода действиям руководства Ленинграда по «упорядочиванию» выдачи продовольственных карточек и практикам их «отоваривания», отметим, что точку в этом вопросе ставить рано. Только в 1942–1943 гг. Наркоматом торговли было издано 365 приказов, циркуляров и указаний по вопросам регулирования карточной системы. Один лишь порядок снабжения учащихся учебных заведений и курсов регулировали 85 приказов и циркуляров⁹⁵. Первые шаги на пути изучения сложной и запутанной карточной системы военных лет уже сделаны⁹⁶. Исследование данной проблемы применительно к Ленинграду самым тесным образом связано с блокадой и голодом. Здесь лишь заметим, что в декабре 1955 г. Д. В. Павлову, ставшему к тому времени министром торговли СССР, был представлен секретный доклад по вопросам нормированного снабжения населения продовольственными и промышленными товарами. Доклад среди прочего содержал нелицеприятную оценку го-

сударственных мероприятий по введению карточной системы в 1941 г.: «...Наркомторг СССР оказался совершенно неподготовленным к введению карточной системы... Введение карточек в гг. Москве и Ленинграде и городах Московской и Ленинградской областей было осуществлено только 17–20 июля 1941 г., т. е. почти через месяц после начала войны. Карточки на хлеб в 197 городах введены 22 августа, а во всех остальных городах и рабочих поселках только 22 октября 1941 г.»⁹⁷. В другом секретном докладе, адресованном А. И. Микояну и тому же Д. В. Павлову в декабре 1955 г., отмечалось, что Наркомторг к началу войны «...не имел никакой подготовленной документации и никаких расчетов по нормированному снабжению на случай войны»⁹⁸.

Это в конечном итоге не могло не сказаться на продовольственной ситуации в городе, начавшимся голоде и росте смертности. В нашем случае представляется важным еще раз подчеркнуть, что увязывать численность населения Ленинграда в тот или иной блокадный месяц исключительно с количеством выданных продовольственных карточек, нельзя. Это неизбежно будет означать рост числа фактических ошибок и неточностей. С одной стороны, на протяжении всех лет блокады в городе находился так называемый бескарточный элемент⁹⁹. С другой стороны, часть ленинградцев, стремясь спасти от гибели себя и своих близких, правдами и неправдами получала несколько продовольственных карточек, при этом называя себя в шутку «двоеженцами»¹⁰⁰. Известно, что в результате проведенных перерегистраций к весне 1943 г. было выявлено 29 тыс. «излишних карточек», получаемых незаконно на лиц умерших, эвакуированных и вымышленных. Кроме того, взамен похищенных или утерянных новые карточки получили 80 492 чел.¹⁰¹

Сам факт наличия различных сведений о смертности населения Ленинграда в годы блокады не должен удивлять: они составлялись в разное время всякого рода организациями и лицами, основывались на далеко не полных данных, какими бы секретными они ни были. Поэтому задача исследователей в данном случае, на наш взгляд, состоит не только в том, чтобы выяснить, какие источники достоверны, а какие нет, а в том, чтобы в первую очередь установить корреляцию между ними. В самом деле, кому отдать предпочтение: начальнику Управления НКВД по Ленинграду и области П. Н. Кубаткину, который в декабре 1941 г. сообщал А. А. Жданову, что в ноябре 1941 г. в Ленинграде умерло 9173 чел.¹⁰² уполномоченному ГКО Д. В. Павлову, отмечавшему в своей книге в 1958 г., что «дистрофия и холод угнали в могилу в ноябре 11 085 человек»¹⁰³ или историку К. А. Болдовскому, который, основываясь на справке П. С. Попкова, называет цифру умерших в ноябре «около 40 000 чел.»¹⁰⁴ А если еще принять во внимание данные квартальных разработок смертности ленинградцев городского статистического управления и по регистрации бюро ЗАГС (смертность за октябрь-ноябрь — декабрь 1941 г. составит соответственно 79 976 и 73 665 чел.¹⁰⁵), то необходимость корреляции между этими источниками станет очевидной.

Подчеркивая важность публикации и изучения новых документов по истории обороны и блокады Ленинграда, следует более тщательно проанализировать и те источники, которые по разным причинам, в том числе и из-за их

недоступности, оказались на периферии внимания исследователей. По нашему мнению, до сих пор серьезно не изучены материалы ЛГК, что отразилось даже в трактовке истории ее появления. В 1959 г. московский историк А. В. Карасев в своей основательной книге «Ленинградцы в годы блокады», ссылаясь на документы фонда ЦК КПСС в Институте марксизма-ленинизма, писал, что эта комиссия была создана решением ленинградских горкома и обкома партии 14 апреля 1943 г.¹⁰⁶ Говоря о собранных Ленинградской комиссией материалах, с которыми он познакомился, А. В. Карасев выделял большой доклад, «...в сжатых строках которого рисуется страшная картина года, пережитого ленинградцами зимой 1941/42 г.»¹⁰⁷.

Однако позднее питерские архивисты решили «поправить» московского историка. Составители сборника документов «Ленинград в осаде», поместив извлечение из опубликованного еще в 1945 г. «Акта Ленинградской городской комиссии о преднамеренном истреблении немецко-фашистскими варварами мирных жителей Ленинграда и ущербе, нанесенном хозяйству и культурно-историческим памятникам города за период войны и блокады», сделали к нему следующее примечание: «Ленинградская городская комиссия была организована по решению Ленгорисполкома от 6 мая 1943 г. Этим же решением было утверждено Временное положение о комиссии и назначен ее председатель — А. А. Кузнецов»¹⁰⁸. Но, как видно из опубликованных недавно «Стенограмм заседаний Исполкома Ленинградского городского Совета», вопрос об организации этой комиссии на заседании Исполкома 6 мая 1943 г. не обсуждался¹⁰⁹. В этот день, 6 мая 1943 г., под председательством секретаря горкома партии А. А. Кузнецова состоялось первое заседание Ленинградской городской комиссии, о чем в ее фонде имеется соответствующий документ¹¹⁰. Решение же о создании комиссии было действительно принято 14 апреля 1943 г., как указано в книге А. В. Карасева, с тем уточнением, что его приняли опросом членов бюро горкома ВКП(б). В решении, в частности, отмечалось: «В целях оказания содействия в работе Чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков создать при исполкоме Ленинградского городского Совета Депутатов трудящихся городскую комиссию в составе: тт. Кузнецова А. А. (председатель), Попкова П. С., Кубаткина П. Н., Баранова Н. В., Страупе Б. П. и Федоровой Е. Т.»¹¹¹.

Ленинградская городская комиссия проделала огромную работу, которой занимались созданные на местах 6445 комиссий, насчитывавшие более 31 тыс. чел., в том числе партийные, советские, хозяйственные и общественные деятели, видные представители науки и культуры. К сожалению, из фонда этой Комиссии опубликованы только «Акт Ленинградской городской комиссии...» и сведения о жертвах среди населения от артобстрелов, бомбардировок и голодной блокады, установленные на май 1945 г. по 15 районам Ленинграда, Колпино и Кронштадту. Сорок три тома именных списков погибших ленинградцев, представленных районными комиссиями, требуют дальнейшего исследования.

Еще 20 лет назад аспирант СПбГУ С. Б. Бизев предпринял попытку критически изучить собранные городской и районными комиссиями материалы. Он

показал, что установленная городской комиссией итоговая цифра потерь населения Ленинграда от голода (649 тыс. чел.) не может считаться точной из-за допущенных при составлении именных списков ошибок: по его подсчетам, в районных списках не были учтены еще около 100 тыс. ленинградцев, погибших от голода¹¹². Однако вопрос о том, как получилась эта итоговая цифра, по-прежнему остается открытым.

Поэтому вызывает по меньшей мере удивление утверждение авторов введения к уникальному видовому сборнику документов «Стенограммы заседаний исполкома Ленинградского городского Совета», что «на городском уровне о численности умерших в блокаду “вспомнили” в 1945 г. чисто с практической целью — для Нюрнбергского процесса»¹¹³. Присутствующая здесь в качестве доказательства ссылка на сборник «Ленинград в осаде» выглядит скорее как нежелание обсуждать ясную для них проблему, хотя никакой ясности как не было, так и нет.

Важным вкладом в источниковую базу блокадной истории стало издание первого и второго томов документов «Блокада в решениях руководящих партийных органов Ленинграда»¹¹⁴. По опубликованным в них рассекреченным документам ЦГАИПД СПб можно судить о важной роли партийного руководства в организации производства пищевых заменителей, которые помогли не прекратить выпечки хлеба для ленинградцев до начала перевозок продовольствия по Ладожской ледовой трассе. Известному теперь, а в свое время совершенно секретному постановлению Военного совета Ленинградского фронта о производстве пищевой целлюлозы от 19 ноября 1941 г.¹¹⁵ предшествовало не менее секретное решение бюро Ленинградского горкома ВКП(б) «О производстве пищевой целлюлозы», принятое 13 ноября 1941 г. опросом членов бюро горкома за подписью Кузнецова, Попкова, Капустина и Никитина. Этим решением все бумажные фабрики должны были передать древесную целлюлозу в указанном им количестве ленинградской конторе «Заготзерно» для производства пищевой целлюлозы, а заводы Гидролизного спирта и имени Степана Разина брали на себя обязательство в течение нескольких суток организовать производство пищевой целлюлозы. Этим решением трест хлебопечения обязывался выпекать хлеб с содержанием не менее 25 % пищевой целлюлозы, а общее руководство по ее производству возлагалось на профессора В. И. Шаркова¹¹⁶. В декабре 1941 г. предприятия города должны были выпустить 4780 т пищевой целлюлозы, 300 т пищевых дрожжей, 20 кг аскорбиновой кислоты, 1 млн витаминных брикетов и другой пищевой продукции¹¹⁷.

В ноябре 1941 г. бюро горкома партии принимает целый ряд постановлений и решений, задачей которых было изыскание всевозможных и невозможных пищевых заменителей: «О заготовке и переработке древесной коры на пищевые цели» (17 ноября 1941 г.); «О производстве пищевых дрожжей из древесины» (22 ноября 1941 г.); «О продовольственных ресурсах» (предусматривалось использование хлопкового жмыха при выпечке хлеба) (25 ноября 1941 г.); «О заготовке скота в черте Ленинграда» (осуществление поголовной выбраковки лошадей, рогатого скота и свиней, принадлежащих предприятиям города, для сдачи на мясокомбинат) (27 ноября 1941 г.) и др.¹¹⁸

Хотя многие документы, помещенные в двух томах сборника «Блокада в решениях руководящих партийных органов Ленинграда» общим объемом более двух тысяч страниц, прямо или косвенно связаны с борьбой с голодом и судьбой жителей, они при всей их секретности не содержат сенсационных сведений о смертности населения осажденного города. Об этом, в частности, свидетельствуют и заседания членов бюро горкома партии, на которых эти вопросы обсуждались откровенно, а иногда и без протокола. Выступая 10 апреля 1942 г. на обсуждении вопроса о работе предприятий общественного питания, А. А. Кузнецов признавал: «Ведь вопрос продовольствия в Ленинграде не первый месяц для нас является самым острым вопросом... Тов. Жданов беспокоится в связи с тем, что продолжает смертность быть, несмотря на то, что мы даем сейчас уже приличную норму... Это крепко беспокоит нас и, в частности, очень беспокоит Андрея Александровича, он прямо бесится от того, что никто не предлагает, как поступить. Ни один врач не придет, не внесет предложения...»¹¹⁹ В результате главным виновником такого положения стал Ленгорздравотдел, который, как отмечалось в постановлении Исполкома Ленгорсовета и бюро горкома партии от 21 апреля 1942 г., «до сих пор не организовал активной борьбы с заболеваемостью на почве истощения и вместо мобилизации на борьбу с заболеваемостью населения всех медицинских кадров города ограничился бесконтрольной раздачей бюллетеней и поддержкой мнимонаучных рассуждений о невозможности восстановления трудоспособности “дистрофиков” в наших условиях»¹²⁰.

Такая оценка деятельности врачей без учета отчаянного положения, в котором оказался осажденный Ленинград зимой 1941/42 г., вряд ли справедлива. Совместными усилиями ленинградских медиков в 1942 г. была разработана терапия алиментарной дистрофии, которая включала лечебное питание, переливание крови и кровезамещающих растворов, витаминотерапию, тепловой режим и др. Результаты исследований по распознаванию и лечению алиментарной дистрофии легли в основу целого ряда практических мероприятий, проведенных в 1942 г. в блокированном Ленинграде в порядке лечения и предупреждения этого заболевания. В декабре 1942 г. состоялась общегородская конференция терапевтов и педиатров по алиментарной дистрофии и гиповитаминозам, в ходе работы которой были выработаны конкретные меры, повышавшие эффективность лечения этих заболеваний¹²¹.

В связи с этим возникает вопрос об источниках информации, которыми располагало партийное руководство в своей оценке демографической ситуации в блокированном городе после голодной зимы 1941/42 г. Судя по имеющимся в сборнике документам, главным инструментом определения «убыли» населения оставались продовольственные карточки. На совещании по предварительной повестке заседания бюро горкома 7 мая 1942 г. по вопросу «О сверке наличия людей в Ленинграде» было решено: «Записывать протоколно не нужно. Поручить тов. Смирнову вызвать первых секретарей райкомов, взять у т. Стожилова (начальника городского управления по учету и выдаче продовольственных карточек исполкома Ленгорсовета. — Авт.) данные по району и сверить наличие людей в Ленинграде»¹²². Признав своим решением от

17 мая 1942 г. работу статистического управления неудовлетворительной, бюро горкома партии обязало его начальника «в течение мая месяца ликвидировать отсталость в статотчетности по естественно-механическому движению населения г. Ленинграда и по здравоохранению и к 1 июня 1942 г. ликвидировать отставание по статистической отчетности по всем секторам статистического управления»¹²³. Одним из пунктов этого решения начальник управления ЗАГС и начальник паспортного отдела милиции обязывались «немедленно доставить в Статуправление всю документацию по статотчетности за период времени январь — апрель месяцы 1942 г. и в дальнейшем всю текущую отчетность по движению населения доставлять подекадно...»¹²⁴

Количество источников, в которых нашли отражение различные составляющие ленинградской блокады, в том числе и проблемы смертности, меньше не становится. В качестве примера приведем здесь значительный по своему объему фонд ЦСУ, хранящийся в Российском государственном архиве экономики (РГАЭ). Информационные возможности этого фонда использованы слабо. Отметим, что лишь одна опись дел постоянного хранения № 329, рассекреченная и доступная сегодня исследователям, содержит около двух тысяч единиц хранения за период 1941–1945 гг. Среди них «разработочные» и «сопоставительные» таблицы, обзоры, отчеты, содержащие сведения о естественном движении населения (данные о смертности, численности загсов, родах, браках, разводах с разбивкой на городское и сельское население) в целом по стране и ее отдельным регионам, в том числе крупнейшим промышленным центрам СССР.

Анализ известных на сегодня источников и основанных на них исследований позволяет сделать некоторые выводы и наблюдения.

1. Блокада Ленинграда была исключительно тяжелой и длительной экстремальной ситуацией в истории Второй мировой войны. Только в новейшее время проблема голода, заболеваемости и смертности мирного населения в осажденном городе с численностью свыше 3 млн чел. стала одной из главных тем в историографии обороны и блокады Ленинграда.

2. Противоборство жизни и смерти в осажденном городе достигло апогея зимой 1941/42 г., когда в результате неоднократного снижения норм выдачи населению продуктов питания ежедневно умирали 3–4 тыс. ленинградцев. Только с организацией транспортировки продовольствия с Большой земли по Ладожскому озеру удалось переломить ситуацию в заблокированном Ленинграде и начать наступление жизни против смерти.

3. Еще в декабре 1941 г. ленинградские медики пришли к выводу, что истощение из-за недостаточного питания становится болезнью, получившей название «алиментарная дистрофия». Однако в условиях отсутствия в городе продовольственных запасов и наступившего голода победить сразу эту смертельную болезнь оказалось практически невозможно, и она станет основной болезнью на протяжении всей блокады Ленинграда. Созданный в мае 1943 г. при Ленинградском городском отделе здравоохранения Научный комитет по изучению алиментарной дистрофии и авитаминозам провел огромную

работу по обобщению опыта, накопленного медицинскими работниками в процессе лечения, и изучению алиментарной дистрофии.

4. Хотя исследователи за прошедшие годы значительно продвинулись в изучении этой проблемы, вводя в научный оборот новые документы и аргументы, определить точно количество жертв голодной блокады вряд ли возможно из-за невиданных еще масштабов человеческой трагедии, не поддающейся нормальному измерению.

5. Представленные Ленинградской городской комиссией по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников в 1945 г. в Чрезвычайную государственную комиссию сведения о жертвах ленинградцев в годы блокады были в силу многих причин неполными и потому заниженными.

6. Разнообразие данных о смертности населения в осажденном городе объясняется тем, что составлялись они в разное время различными организациями. Не было исключением в этом отношении и Ленинградский горком ВКП(б), который, будучи одним из руководящих органов обороны Ленинграда и регулируя практически все аспекты жизни его населения, в чрезвычайных условиях первой блокадной зимы не мог располагать всей необходимой информацией. Утверждения некоторых высокопоставленных мемуаристов о том, что партийное руководство получало от городского отдела здравоохранения ежемесячные отчеты о смертности ленинградцев в период голодной зимы 1941/42 г., не имеют документальных оснований.

7. В опубликованных в последние годы исследованиях, а также в докладах на научных конференциях, в том числе и международных, число погибших от голода в заблокированном Ленинграде определяется в пределах 700–800 тыс. чел. В одном из последних интервью В. М. Ковальчук высказал мнение, что «истинное число лежит между 715 и 750 тысячами»¹²⁵. Дальнейшее уточнение блокадных потерь ленинградцев, по его мнению, возможно только на основе появления и изучения новых документов¹²⁶, и с этим мнением авторитетного ученого нельзя не согласиться.

¹ Правда. 1964. 27 янв.

² Красная звезда. 1964. 28 июня.

³ Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (далее — ЦГА СПб). Ф. 8557. Оп. 7. Д. 40. Л. 16–19.

⁴ ЦГА СПб. Ф. 8557. Оп. 7. Д. 42. Л. 1–6.

⁵ Нюрнбергский процесс: сб. материалов: в 2 т. / под ред. К. П. Горшенина. Т. 1. М., 1952. С. 582, 584.

⁶ Ковальчук В. М., Соболев Г. Л. Ленинградский «реквием» (О жертвах населения Ленинграда в годы войны и блокады) // Вопросы истории. 1965. № 12. С. 191–194.

⁷ Очерки истории Ленинграда. Т. 5: Период Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945 гг. / отв. ред. В. М. Ковальчук. Л., 1967. С. 692.

⁸ См. об этом: Соболев Г. Л. Блокада Ленинграда в свете перестройки исторической науки (Об освещении некоторых вопросов истории блокады Ленинграда в книгах Д. В. Павлова) // Вопросы истории и историографии Великой Отечественной войны / под ред. И. А. Росенко и Г. Л. Соболева. Л., 1989. С. 64–81.

- ⁹ Павлов Д. В. Ленинград в блокаде. 1941. 3-е изд. М., 1967. С. 147.
- ¹⁰ Д. В. Павлов — секретарю ЦК КПСС М. А. Суслову. 13 ноября 1975 г. // Источник. 1995. № 5. С. 89.
- ¹¹ Там же. С. 90.
- ¹² Там же.
- ¹³ Там же. С. 91–92.
- ¹⁴ Жуков Г. К. Воспоминания и размышления: в 2 т. 2-е изд. М., 1974. Т. 1. С. 430.
- ¹⁵ Жуков Г. К. Воспоминания и размышления: в 2 т. 3-е изд. М., 1978. Т. 1. С. 381.
- ¹⁶ См.: Блокада рассекреченная / сост. В. И. Демидов. СПб., 1995; Жизнь и смерть в осажденном Ленинграде. Историко-медицинский аспект: материалы междунар. науч. конф., Санкт-Петербург, 26–27 апр. 2001 г. / отв. ред. А. Р. Дзенискевич. СПб., 2001; Жизнь и смерть в блокированном Ленинграде: историко-медицинский аспект / отв. ред. А. Р. Дзенискевич. СПб., 2001; и др.
- ¹⁷ Ломагин Н. А. Неизвестная блокада: в 2 кн. СПб., 2002; Блокада Ленинграда в документах рассекреченных архивов / под ред. Н. Л. Волковского. М.; СПб., 2005; О блокаде Ленинграда в России и за рубежом. Источники, исследования, историография / науч. ред. А. Р. Дзенискевич. СПб., 2005; Соболев Г. Л., Ходяков М. В. Публикация новых документов как важный фактор дальнейшего изучения обороны и блокады Ленинграда // Новейшая история России. 2019. Т. 9, № 1. С. 8–34; и др.
- ¹⁸ Ленинград в борьбе: месяц за месяцем. 1941–1944 / отв. ред. А. Р. Дзенискевич. СПб., 1994.
- ¹⁹ См.: Блокада рассекреченная. С. 5–7.
- ²⁰ Salisbury G. The 900 days. The Siege of Leningrad. New York, 1969.
- ²¹ Солсбери Г. 900 дней / пер. с англ. М., 1994.
- ²² Там же. С. 534.
- ²³ Там же. С. 536.
- ²⁴ Siege of Leningrad Revisited: Narrative, Image, Self // Slavic Review. 2010. Vol. 69, no. 2. P. 277–327; Kirschenbaum L. The legacy of the Siege of Leningrad, 1941–1995. Myth, memories, and monuments. New York, 2006; Hass J. K. Soviet Discursive Power versus War: Agitation and Propaganda in the Blockade of Leningrad // Modern History of Russia. 2018. Vol. 8, no. 4. P. 827–840.
- ²⁵ Ганценмюллер Й. Осажденный Ленинград. Город в стратегических расчетах агрессоров и защитников. 1941–1944 гг. / пер. с нем. А. Л. Уткина. М., 2019. С. 311.
- ²⁶ Чистиков А. Н. «Мы живем в интересное время...» Первые попытки сбора материала о блокаде Ленинграда в 1941–1942 гг. // Битва за Ленинград 1941–1944 гг.: подвиг города-героя в Великой Отечественной войне: сб. статей / отв. ред. Г. Л. Соболев. СПб., 2019. С. 5–14.
- ²⁷ Отчет Продовольственной комиссии при Военном совете Ленинградского фронта о торговле и общественном питании в Ленинграде за период с 22 июня 1941 г. по 1 апреля 1943 г. / публ. А. В. Зотовой // Клио. 2013. № 4 (76). С. 15. В действительности опубликованный документ представляет собой не отчет Продовольственной комиссии Военного совета Ленинградского фронта, которая была сформирована только в январе 1942 г., а отчет отдела торговли Ленгорисполкома с включением в него материалов управлений продторгами, промторгами, Ленглавресторана, Лензаготплодоовощторга и др. (см.: Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга (далее — ЦГАИПД СПб). Ф. 4000. Оп. 20. Д. 77. Л. 1–87).
- ²⁸ 900 героических дней. Сборник документов и материалов о героической борьбе трудящихся Ленинграда в 1941–1944 гг. / отв. ред. В. М. Ковальчук; сост. Х. Х. Камалов, Р. В. Сердяк, Ю. С. Токарев. М.; Л., 1966.
- ²⁹ Там же. С. 9.
- ³⁰ Там же. С. 397–398.
- ³¹ Там же. С. 398.
- ³² 900 героических дней. С. 412.
- ³³ Сувениров О. Ф. Поклонимся и мертвым и живым // Военно-исторический журнал. 1994. № 1. С. 4.

- ³⁴ Ленинград в осаде. Сборник документов о героической обороне Ленинграда в годы Великой Отечественной войны, 1941–1944 / отв. ред. А. Р. Дзенискевич; отв. сост. Н. Ю. Черепенина. СПб., 1995.
- ³⁵ Там же. С. 276.
- ³⁶ Там же. С. 276–277.
- ³⁷ ЦГА СПб. Ф.Р-9156. Оп. 4. Д. 317. Л. 4–5. Документ опубликован на сайте «Архивы Санкт-Петербурга»: https://spbarchives.ru/virtual_projects/medicine/war-years-citizens (дата обращения: 25.11.2020).
- ³⁸ Ленинград в осаде. С. 295–298.
- ³⁹ Там же. С. 295.
- ⁴⁰ Там же. С. 295–296.
- ⁴¹ Там же. С. 356.
- ⁴² Российский государственный архив экономики (далее — РГАЭ). Ф. 1562. Оп. 329. Д. 793. Л. 62–62 об.
- ⁴³ Ленинград в осаде. С. 319–343.
- ⁴⁴ Там же. С. 13.
- ⁴⁵ Там же. С. 339.
- ⁴⁶ Там же.
- ⁴⁷ Там же. С. 593.
- ⁴⁸ Там же. С. 573–574.
- ⁴⁹ Там же. С. 606.
- ⁵⁰ Там же.
- ⁵¹ Там же. С. 298.
- ⁵² Там же.
- ⁵³ Там же. С. 591.
- ⁵⁴ *Ломагин Н. А.* В тисках голода. Блокада Ленинграда в документах германских спецслужб и НКВД. СПб., 2000.
- ⁵⁵ Там же. С. 142–272.
- ⁵⁶ Там же. С. 33.
- ⁵⁷ *Ломагин Н. А.* Неизвестная блокада: документы и материалы: в 2 кн. СПб.; М., 2002. Кн. 2. С. 346.
- ⁵⁸ Ленинград в осаде. С. 353.
- ⁵⁹ По итогам этой международной конференции вышли два сборника статей с похожими названиями, но они не идентичны по своему содержанию. См. примеч. 16.
- ⁶⁰ *Барбер Дж. Д.* Блокада Ленинграда в исторической ретроспективе // Жизнь и смерть в осажденном Ленинграде. С. 6.
- ⁶¹ *Черепенина Н. Ю.* Демографическая катастрофа блокированного Ленинграда // Там же. С. 8.
- ⁶² Там же. С. 11.
- ⁶³ ЦГА СПб. Ф.Р-9156. Оп. 4. Д. 311. Л. 6. Документ опубликован на сайте «Архивы Санкт-Петербурга»: https://spbarchives.ru/virtual_projects/medicine/war-years-citizens (дата обращения: 30.12.2020).
- ⁶⁴ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 791. Л. 66.
- ⁶⁵ Там же.
- ⁶⁶ Там же. Д. 793. Л. 3.
- ⁶⁷ Новые документы / вступ. статья, сост. и комм. Н. Ю. Черепениной // О блокаде Ленинграда в России и за рубежом. Источники. Исследования. Историография / сост. и науч. ред. А. Р. Дзенискевич. СПб., 2005. С. 39–40.
- ⁶⁸ Там же. С. 13.
- ⁶⁹ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 793. Л. 62–66 об., 184–193.
- ⁷⁰ Там же. Д. 791. Л. 112.
- ⁷¹ Там же. Д. 793. Л. 62–63 об.
- ⁷² *Магаева С. В.* Физиологические и психосоматические предпосылки выживания блокадников // Жизнь и смерть в осажденном Ленинграде. С. 33.

⁷³ Магаева С. В., Симоненко В. Б. Статистика жертв ленинградской блокады // Санкт-Петербургский университет. 2009. № 8. С. 20–24.

⁷⁴ Назаров В. Ю. Судебно-медицинская экспертная служба Ленинграда в годы блокады // Битва за жизнь: материалы науч.-практ. конф., посвящ. 65-летию начала блокады Ленинграда / ред. А. А. Шишкин. СПб., 2007. С. 36–41.

⁷⁵ Фролов М. И. К вопросу о числе погибших в блокаду (по материалам домовых книг) // Жизнь и смерть в осажденном Ленинграде. С. 86–95.

⁷⁶ Там же. С. 87.

⁷⁷ Письма ленинградцев в Продовольственную комиссию Военного Совета Ленинградского фронта, октябрь 1941 — сентябрь 1942 гг. // Ломагин Н. А. В тисках голода. Блокада Ленинграда в документах германских спецслужб, НКВД и письмах ленинградцев. 2-е изд. СПб., 2014. С. 295.

⁷⁸ Фролов М. И. К вопросу о числе погибших в блокаду (по материалам домовых книг). С. 90–91.

⁷⁹ Фролов М. И. «Салют и реквием». Героизм и трагедия ленинградцев. 1941–1944 гг. СПб., 2003.

⁸⁰ Там же. С. 60.

⁸¹ Там же. С. 61.

⁸² Там же. С. 62.

⁸³ Там же. С. 61–62.

⁸⁴ Там же. С. 64.

⁸⁵ Дзенискевич А. Р. Блокада и политика. Оборона Ленинграда в политической конъюнктуре. СПб., 1998. С. 65.

⁸⁶ Оборона Ленинграда. 1941–1945: документы и материалы / авт. вступ. статьи и отв. ред. А. К. Сорокин. М., 2019. С. 660–663.

⁸⁷ В 2020 г. петербургские архивисты опубликовали подписанную 29 января 1944 г. все тем же подполковником Абабиным «Ведомость о количестве зарегистрированных актов гражданского состояния по 17-ти районам города Ленинграда за 1943 и 1942 гг.». Ведомость содержит сведения о количестве зарегистрированных актов смерти по месяцам в 1942 и 1943 гг. и итоговые данные за эти годы — 528 830. См.: Повседневные документы ленинградцев в годы войны и блокады 1941–1945 гг. / отв. ред. А. Н. Чистиков; отв. сост. Н. Ю. Черепенина. СПб., 2020. С. 27.

⁸⁸ Оборона Ленинграда. С. 34.

⁸⁹ Там же. С. 35.

⁹⁰ Там же.

⁹¹ Ленинград в осаде. С. 295–296.

⁹² Болдовский К. А. Ленинград в декабре 1941 года // Новейшая история России. 2019. Т. 9, № 1. С. 70–82.

⁹³ Там же. С. 74.

⁹⁴ Там же. С. 77.

⁹⁵ РГАЭ. Ф. 7971. Оп. 16. Д. 1055. Л. 277, 287.

⁹⁶ Гаврилова О. А., Ходяков М. В. Изготовление продовольственных карточек в блокадном Ленинграде. 1941–1943 гг. // Новейшая история России. 2016. № 2 (16). С. 44–67; Повседневные документы ленинградцев в годы войны и блокады. С. 108–156.

⁹⁷ РГАЭ. Ф. 7971. Оп. 16. Д. 1055. Л. 278.

⁹⁸ Там же. Д. 1056. Л. 134.

⁹⁹ См. об этом: Черепенина Н. Ю. Голод и смерть в блокированном городе // Жизнь и смерть в блокированном Ленинграде. С. 38–39.

¹⁰⁰ Болдырев А. Н. Осадная Запись (Блокадный дневник). СПб., 1998. С. 270, 291.

¹⁰¹ Отчет Продовольственной комиссии... С. 16, 18.

¹⁰² Ленинград в осаде. С. 336.

¹⁰³ Павлов Д. В. Ленинград в блокаде (1941 год). М., 1958. С. 110.

¹⁰⁴ Болдовский К. А. Ленинград в декабре 1941 года. С. 77.

¹⁰⁵ Оборона Ленинграда. С. 660.

¹⁰⁶ Карасев А. В. Ленинградцы в годы блокады. 1941–1943. М., 1959. С. 12.

- ¹⁰⁷ Там же. С. 13.
- ¹⁰⁸ Ленинград в осаде. С. 606.
- ¹⁰⁹ Стенограммы заседаний исполкома Ленинградского городского Совета. Январь — декабрь 1943 г.: сб. документов / отв. ред. А. Н. Чистиков; отв. сост. Н. Ю. Черепенина. СПб., 2018. С. 213–229.
- ¹¹⁰ ЦГА СПб. Ф. 8557. Оп. 1. Д. 2. Л. 2.
- ¹¹¹ ЦГАИПД СПб. Ф. 25. Оп. 2. Д. 4715. Л. 11. Полный текст этого решения будет опубликован в третьей части сборника документов «Блокада в решениях руководящих партийных органов Ленинграда. 1941–1944 гг.» (отв. сост. К. А. Болдовский).
- ¹¹² Бизев С. Б. Смертность гражданского населения Ленинграда в годы блокады 1941–1944 гг. (на материалах Ленинградской городской комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников): автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2001. С. 28–29.
- ¹¹³ Стенограммы заседаний исполкома Ленинградского городского Совета. Ноябрь 1941 — декабрь 1942 г.: сб. документов / отв. ред. А. Н. Чистиков; отв. сост. Н. Ю. Черепенина. СПб., 2017. С. 17.
- ¹¹⁴ Блокада в решениях руководящих партийных органов Ленинграда. 1941–1944 гг. Постановления бюро ленинградских горкома и обкома ВКП(б), стенограммы заседаний. Ч. I: Июнь 1941 г. — март 1942 г.: сб. документов / отв. сост. К. А. Болдовский. СПб., 2019; Ч. II: Март — декабрь 1942 г. СПб., 2020.
- ¹¹⁵ Ленинград в осаде. С. 195.
- ¹¹⁶ Блокада в решениях руководящих партийных органов Ленинграда. Ч. I. С. 420–421.
- ¹¹⁷ Там же. С. 463–465.
- ¹¹⁸ Там же. С. 430, 444–445, 448–449, 455.
- ¹¹⁹ Блокада в решениях руководящих партийных органов Ленинграда. Ч. II. С. 42–43.
- ¹²⁰ Там же. С. 139.
- ¹²¹ Соболев Г. Л. Ученые Ленинграда в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945 гг. Л., 1966. С. 70–73.
- ¹²² Блокада в решениях руководящих партийных органов Ленинграда. Ч. II. С. 114.
- ¹²³ Там же. С. 201.
- ¹²⁴ Там же.
- ¹²⁵ Ковальчук В. М. Сколько же нас тогда погибло? // Война и блокада. Памяти В. М. Ковальчука / отв. ред. А. Н. Чистиков. СПб., 2016. С. 89.
- ¹²⁶ Там же. С. 90.

Статья поступила в редакцию 30 сентября 2020 г.

Рекомендована в печать 17 февраля 2021 г.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Соболев Г. Л., Ходяков М. В. Противоборство жизни и смерти: некоторые итоги изучения истории блокады Ленинграда // Новейшая история России. 2021. Т. 11, № 2. С. 294–323. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu24.2021.201>
УДК 94(47).084.8

Аннотация: В статье прослеживается, как процесс введения в научный оборот новых источников открывал «неизвестную блокаду» 1941–1944 гг. В центре внимания авторов — оценка и характеристика масштабов смертности гражданского населения, которое вело героическую борьбу за выживание. Количество жертв в осажденном Ленинграде, приводившееся исследователями в опубликованных ими работах, на протяжении нескольких десятилетий «регулировалось» партийным руководством страны. Ситуация изменилась на рубеже 1980–1990-х гг., когда историки получили доступ к секретным ранее документам. Поставлена проблема, на которую обратили внимание ленинградские медики еще поздней осенью 1941 г. Их предложения по лечению алиментарной дистрофии — главной болезни заблокированного города — далеко не сразу были оценены руководителями Ленинграда той поры. Отмечается,

что наличие различных сведений о смертности населения в годы блокады объяснимо: эти данные собирались в разное время различными организациями и лицами, основывались на далеко не полных данных. Авторы подчеркивают, что оценивать убыль населения в городе исключительно по количеству выданных продовольственных карточек нельзя. Подобный подход по целому ряду причин ведет к искажению реального положения вещей. Собственные оценки количества жертв среди ленинградцев имели городское статистическое управление, Наркомат внутренних дел и ЗАГС, находившиеся в его ведении. Сегодня нет единого мнения относительно полноты сведений, отражающих масштабы захоронений на городских кладбищах в блокадную зиму 1941/42 г. Делается вывод о необходимости более широкого введения в научный оборот неизвестных ранее архивных материалов, способствуя тем самым уточнению количества жертв ленинградской блокады, которое, по мнению авторов, доходило до 750 тыс.

Ключевые слова: блокада, Ленинград, смертность населения, алиментарная дистрофия, НКВД, карточная система.

Сведения об авторах: Соболев Г. Л. — д-р ист. наук, почетн. проф., Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия); g.sobolev@spbu.ru | Ходяков М. В. — д-р ист. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия); m.khodyakov@spbu.ru

Санкт-Петербургский государственный университет, Россия, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

FOR CITATION

Sobolev G. L., Khodjakov M. V. 'The Confrontation Between Life and Death: Some Results of Studying the History of the Siege of Leningrad', *Modern History of Russia*, vol. 11, no. 2, 2021, pp. 294–323. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu24.2021.201> (In Russian)

Abstract: The authors focus on the assessment and characterization of the mortality rate of the civilian population, which waged a heroic struggle for survival. The number of victims in besieged Leningrad, as cited by researchers in published works, was "regulated" by the Communist Party leadership for several decades. The situation changed at the turn of the 1980s — 1990s, when historians gained access to previously secret documents. This article poses a problem that Leningrad doctors drew attention to in late autumn 1941. Their proposals for the treatment of alimentary dystrophy, the main affliction of civilians in the blocked city, were not immediately appreciated by Leningrad's leaders at that time. The presence of various data on the mortality rate of the population during the blockade is understandable: these data were collected at different times by various organizations and individuals, based on far from complete data. The authors emphasize that it is impossible to assess the decline in the city's population solely using the number of ration cards in circulation. This approach, for a number of reasons, distorts the real state of affairs. The city's statistical department, the People's Commissariat of Internal Affairs, and the registry offices, which were under its jurisdiction, had their own estimates of the number of civilian victims. Today there is no consensus regarding the completeness of information on the scale of burials in city cemeteries during the blockade winter of 1941/42. The article concludes that there is a need for a wider introduction of previously unknown archival materials into circulation to help to clarify the number of victims of the Blockade of Leningrad, which, according to the authors, reached 750 thousand.

Keywords: siege, Leningrad, population mortality, alimentary dystrophy, NKVD, rationing.

Authors: Sobolev G. L. — Dr. Sci. in History, Professor Emeritus, St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russia); g.sobolev@spbu.ru | Khodjakov M. V. — Dr. Sci. in History, Professor, St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russia); m.khodyakov@spbu.ru

St. Petersburg State University, 7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russia

References:

900 heroic days. Collection of documents and materials about the heroic struggle of the workers of Leningrad in 1941–1944, ed. by V. M. Kovalchuk; comp. Kh. Kh. Kamalov, R. V. Serdnak, Yu. S. Tokarev (Moscow; Leningrad, 1966). (In Russian)

- About the blockade of Leningrad in Russia and abroad. Sources, research, historiography*, ed. by A. R. Dzeniskevich (St. Petersburg, 2005). (In Russian)
- Zizev S. B. *Mortality of the civilian population of Leningrad during the blockade of 1941–1944 (on the materials of the Leningrad city commission for the establishment and investigation of the atrocities of the German fascist invaders and their accomplices)* [Candidate of History Dissertation] (St. Petersburg, 2001). (In Russian)
- Blockade in decisions of the governing party organs of Leningrad. 1941–1944, Collection of documents. Resolutions of the Bureau of the Leningrad City Committee and the Regional Committee of the CPSU(b), transcripts of meetings*, comp. K. A. Boldovskiy, part I: June 1941 — March 1942 (St. Petersburg, 2019). (In Russian)
- Blockade in decisions of the governing party organs of Leningrad. 1941–1944, Collection of documents. Resolutions of the Bureau of the Leningrad City Committee and the Regional Committee of the CPSU(b), transcripts of meetings*, comp. K. A. Boldovskiy, part II: March — December 1942 (St. Petersburg, 2020). (In Russian)
- Boldovskiy K. A. 'Leningrad in December, 1941', *Modern History of Russia*, vol. 9, no. 1, 2019. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu24.2019.104> (In Russian)
- Boldyrev A. N. *Siege Record (Siege Diary)* (St. Petersburg, 1998). (In Russian)
- Cherepenina N. Yu. 'Demographic catastrophe of the blockaded Leningrad' in *Zhizn' i smert' v osazhdennom Leningrade. Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii. 26–27 apreliia 2001 g.*, ed. by A. R. Dzeniskevich (St. Petersburg, 2001). (In Russian)
- Cherepenina N. Yu. 'Famine and death in a blocked city', in *Zhizn' i smert' v blokirovannom Leningrade. Istoriko-meditsinskii aspekt*, ed. by A. R. Dzeniskevich (St. Petersburg, 2001). (In Russian)
- Chistikov A. N. "'We live in an interesting time...'" The first attempts to collect material about the blockade of Leningrad in 1941–1942' in *Bitva za Leningrad 1941–1944 gg.: podvig goroda-geroia v Velikoi Otechestvennoi voine. Sb. statei*, ed. by G. L. Sobolev (St. Petersburg, 2019). (In Russian)
- 'D. V. Pavlov to Secretary of the CPSU Central Committee M. A. Suslov. November 13, 1975', *Istochnik*, no. 5, 1995. (In Russian)
- Declassified blockade*, comp. V. I. Demidov (St. Petersburg, 1995). (In Russian)
- Defense of Leningrad. 1941–1945: documents and materials*, ed. by A. K. Sorokin (Moscow, 2019). (In Russian)
- Dzeniskevich A. R. *The blockade and politics. Defense of Leningrad in the political conjuncture* (St. Petersburg, 1998). (In Russian)
- Essays on the history of Leningrad, vol. 5. The period of the Great Patriotic War of the Soviet Union 1941–1945*, ed. by V. M. Kovalchuk (Leningrad, 1967). (In Russian)
- Everyday documents of Leningraders during the war and siege of 1941–1945*, ed. by A. N. Chistikov; comp. N. Yu. Cherepenina (St. Petersburg, 2020). (In Russian)
- Frolov M. I. 'To the question of the number of those killed during the blockade (based on materials from house books)' in *Zhizn' i smert' v osazhdennom Leningrade. Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii. 26–27 apreliia 2001 g.*, ed. by A. R. Dzeniskevich (St. Petersburg, 2001). (In Russian)
- Frolov M. I. "Salute and Requiem". *Heroism and Tragedy of Leningraders. 1941–1944* (St. Petersburg, 2013). (In Russian)
- Gantzenmüller J. *The besieged Leningrad. The city is in the strategic calculations of the aggressors and defenders. 1941–1944* (Moscow, 2019). (Rus. Ed.)
- Gavrilova O. A., Khodjakov M. V. 'The Manufacturing of Ration Cards in the Besieged City of Leningrad, 1941–1943', *Modern History of Russia*, no. 2, 2016. (In Russian)
- Hass J. K. 'Soviet Discursive Power versus War: Agitation and Propaganda in the Blockade of Leningrad', *Modern History of Russia*, vol. 8, no. 4, 2018. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu24.2018.402>
- Karasev A. V. *Leningraders during the siege. 1941–1943* (Moscow, 1959). (In Russian)
- Kirschenbaum L. *The legacy of the Siege of Leningrad, 1941–1995. Myth, memories, and monuments* (New York, 2006).
- Kovalchuk V. M. 'How many of us died then?' in *Voina i blokada. Pamiati V. M. Koval'chuka*, ed. by A. N. Chistikov (St. Petersburg, 2016). (In Russian)
- Kovalchuk V. M., Sobolev G. L. 'Leningrad "requiem" (On the victims of the population of Leningrad during the war and the blockade)', *Voprosy istorii*, no. 12, 1965. (In Russian)
- Leningrad in the fight: month after month. 1941–1944*, ed. by A. R. Dzeniskevich (St. Petersburg, 1994). (In Russian)
- Leningrad is under siege. Collection of documents on the heroic defense of Leningrad during the Great Patriotic War, 1941–1944*, ed. by A. R. Dzeniskevich; comp. N. Yu. Cherepenina (St. Petersburg, 1995). (In Russian)

- 'Letters from Leningraders to the Food Commission of the Military Council of the Leningrad Front, October 1941 — September 1942' in Lomagin N. A. *In the grip of hunger. The blockade of Leningrad in the documents of the German special services, the NKVD and letters from Leningrad residents*, 2nd ed. (St. Petersburg, 2014). (In Russian)
- Life and death in besieged Leningrad. Materials of the international scientific conference. April 26–27, 2001*, ed. by A. R. Dzeniskevich (St. Petersburg, 2001). (In Russian)
- Life and death in blockaded Leningrad. Historical and medical aspect*, ed. by A. R. Dzeniskevich (St. Petersburg, 2001). (In Russian)
- Lomagin N. A. *In the grip of hunger. The blockade of Leningrad in the documents of the German special services and the NKVD* (St. Petersburg, 2000). (In Russian)
- Lomagin N. A. *Unknown blockade*, in 2 books (St. Petersburg, 2002). (In Russian)
- Magaeva S. V. 'Physiological and psychosomatic prerequisites for the survival of blockade survivors' in *Zhizn' i smert' v osazhdennom Leningrade. Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii. 26–27 apreliia 2001 g.*, ed. by A. R. Dzeniskevich (St. Petersburg, 2001). (In Russian)
- Magaeva S. V., Simonenko V. B. Statistics of victims of the Leningrad blockade, *Sankt-Peterburgskii universitet*, no. 8, 2009. (In Russian)
- Nazarov V. Yu. 'Forensic medical expert service of Leningrad during the blockade' in *Bitva za zhizn'. Materialy nauchno-prakticheskoi konferentsii, posviashchennoi 65-letiiu nachala blokady Leningrada*, red. A. A. Shishkin (St. Petersburg, 2007). (In Russian)
- On the blockade of Leningrad in Russia and abroad. Sources. Research. Historiography*, ed. by A. R. Dzeniskevich (St. Petersburg, 2005). (In Russian)
- Nuremberg trials: collection of materials: in 2 volumes*, ed. by K. P. Gorshenin, vol. 1 (Moscow, 1952). (In Russian)
- Pavlov D. V. *Leningrad in blockade (1941)* (Moscow, 1958). (In Russian)
- Pavlov D. V. *Leningrad in blockade. 1941*, 3rd ed. (Moscow, 1967). (In Russian)
- Salisbury H. *The 900 days* (Moscow, 1994). (Rus. Ed.)
- Salisbury H. *The 900 days. The Siege of Leningrad* (New York, 1969).
- 'Siege of Leningrad Revisited: Narrative, Image, Self', *Slavic Review*, vol. 69, no. 2, 2010.
- Sobolev G. L. 'The blockade of Leningrad in the light of the restructuring of historical science (On the coverage of some issues of the history of the blockade of Leningrad in the books of D. V. Pavlov)' in *Voprosy istorii i istoriografii Velikoi Otechestvennoi voiny*, eds I. A. Rosenko, G. L. Sobolev (Leningrad, 1989). (In Russian)
- Sobolev G. L. *Scientists of Leningrad during the Great Patriotic War. 1941–1945* (Leningrad, 1966). (In Russian)
- Sobolev G. L., Khodjakov M. V. 'The Publication of New Documents as an Important Factor in the Further Study of the Defense and Blockade of Leningrad', *Modern History of Russia*, vol. 9, no. 1, 2019. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu24.2019.101> (In Russian)
- Suvenirov O. F. 'Let's bow to the dead and the living', *Voyenno-istoricheskii zhurnal*, no. 5, 1994. (In Russian)
- The blockade of Leningrad in the documents of the declassified archives*, ed. by N. L. Volkovsky (Moscow; St. Petersburg, 2005). (In Russian)
- Transcripts of the meetings of the executive committee of the Leningrad City Council. November 1941 — December 1942: collection of documents*, ed. by A. N. Chistikov; comp. N. Yu. Cherepenina (St. Petersburg, 2017). (In Russian)
- Transcripts of the meetings of the executive committee of the Leningrad City Council. January — December 1943: collection of documents*, ed. by A. N. Chistikov; comp. N. Yu. Cherepenina (St. Petersburg, 2018). (In Russian)
- Zhukov G. K. *Memories and Reflections*, 2 vols. (Moscow, 1974). (In Russian)
- Zhukov G. K. *Memories and Reflections*, 2 vols. (Moscow, 1978). (In Russian)
- Zotova A. V. Report of the Food Commission under the Military Council of the Leningrad Front on trade and public catering in Leningrad for the period from June 22, 1941 to April 1, 1943', *Klio*, no. 4 (76), 2013. (In Russian)

Received: September 30, 2020

Accepted: February 17, 2021